

СОВРЕМЕННОСТЬ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Е. ФИШЕРА.

1839.

НОВАЯ СЦЕНА ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА.

*(Дльвичье-Поле. Новодльвичий-Монастырь. Народъ *).*

О Д И Н Ъ.

Теперь они пошли къ Царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и Патріархъ
Съ толпой бояръ.

Д Р У Г О Й.

Что слышно ?

Т Р Е Т І Й.

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

* Слѣдуетъ въ оригиналѣ за сценою на Красной-Площади.

БАБА *съ ребенкомъ.*

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!

О Д И Н Ъ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

Д Р У Г О Й.

Нельзя. Куда? и въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы Соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

П Е Р В Ы Й.

Право, любо!

О Д И Н Ъ.

Что тамъ за шумъ?

Д Р У Г О Й.

Послушай... что за шумъ?

Народъ завылъ: тамъ падаютъ что волны
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе, на колѣна!

Н А Р О Д Ъ *(вой и плачь).*

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ Царь!

О Д И Н Ъ.

О чемъ тамъ плачутъ?

Д Р У Г О Й.

А какъ намъ знать? то вѣдаютъ бояре —
 Не намъ чета.

Б А Б А съ ребенкомъ.

Ну, чтожь? какъ надо плакать,
 Такъ и затихъ! (*Ребенокъ плачетъ.*) Ну, тотуже!

О Д И Н Ъ.

Всѣ плачутъ —
 Заплачемъ, братъ, и мы!

Д Р У Г О Й.

Да слезъ-то нѣтъ.
 Что тамъ еще?

П Е Р В Ы Й.

Да кто ихъ разбереть?

Н А Р О Д Ъ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ Царь! онъ согласился...
 Борисъ нашъ Царь! да здравствуетъ Борисъ!

А. Пушкинъ.

